

М.В. Фоменко

**СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ
ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН
КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ
ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ГОРОДА КАЛИНИН В ДЕКАБРЕ 1941 г.)**

Статья посвящена факторам, определявшим характер и масштабы потерь Красной армии и вермахта в операции по освобождению города Калинин в декабре 1941 г. Автором рассмотрены обстоятельства начального периода Великой Отечественной войны в контексте их влияния на соотношение потерь противоборствовавших сторон, выявлены проблемы советских и германских вооруженных сил на тактическом и оперативном уровне, освещен личностный аспект принятия решений, предопределивших ход и результаты сражения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, вермахт, Калининский фронт, Калининская наступательная операция.

The article is devoted to the key factors determined pattern and scale of Red Army and German Army losses during the operation to Kalinin city liberation in December, 1941. Author studied the conditions of the beginning of the Great Patriotic War in the context of their influence on the losses of the warring sides. The difficulties of the Soviet and German armed forces on the tactical and operational levels are revealed. The personal dimension of the decision making process predetermined the course and the results of the battle is considered.

Key words: The Great Patriotic War, Red Army, Wehrmacht, Kalinin front, Kalinin Offensive Operation.

Великая Отечественная война явилась одним из наиболее серьезных испытаний на прочность в истории нашей страны и ее вооруженных сил. В свою очередь, период 1941–1942 гг. выделяется на общем фоне событий войны масштабами поражений и потерь,

---

Фоменко Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: fomenkomv@spa.msu.ru

понесенных Красной армией в противостоянии с войсками нацистской Германии.

Ряд факторов, которые определили неблагоприятное развитие ситуации на советско-германском фронте на начальном этапе войны, представляется возможным отнести к категории объективных. Следует подчеркнуть, что германские вооруженные силы к 22 июня 1941 г. имели успешный опыт по-настоящему современной войны против армий передовых (в военном отношении) европейских держав, прежде всего Франции. Военная теория, заложенная в концепцию «блицкрига», опиралась на глубокий анализ уроков Первой мировой войны и не имела существенных разрывов с практикой. Германия, в отличие от СССР, не испытала в недавнем прошлом разрушительной гражданской войны, а потому ее офицерский корпус, имевший весьма продвинутый опыт заключительного этапа предыдущего мирового конфликта, оставался относительно монолитным и не сталкивался с проблемой прерывания традиций, связанной с резкой сменой социально-экономического строя.

Кроме того, Германия являлась более развитой промышленной державой, мощь экономики которой заключалась не столько в валовых объемах выпуска военной продукции (в данном плане СССР имел явное преимущество), сколько в способности производить более современную боевую технику и вооружение, опережая своих противников, прежде всего, в области военных технологий. Например, это касалось массового производства цельнометаллических боевых самолетов с мощными двигателями, обеспечивавшими высокие летные качества, скоростных полугусеничных тягачей для артиллерии подвижных соединений, автоматических зенитных орудий, являвшихся универсальным боевым средством, а также современных боеприпасов для всей номенклатуры вооружений.

Помимо всего указанного, не следует недооценивать фактор урбанизации — Германия по характеру населения к началу Второй мировой войны являлась страной преимущественно городской, что определяло более высокий уровень грамотности (в том числе технической) и непосредственно влияло на способность и скорость освоения вооруженными силами новых видов оружия и военной техники, а также наиболее современных тактических приемов и методов ведения боевых действий.

Главной проблемой, определившей невыгодное положение советских вооруженных сил по сравнению с нацистским вермахтом на момент начала войны, являлось упреждение противником в развертывании наступательных группировок вдоль границ

СССР¹. Немецкая армия к 22 июня была отобилизована и подготовлена к реализации плана «Барбаросса», что дало ей возможность громить войска советских стратегических эшелонов по частям, в ряде случаев даже не оставляя им шанса перестроиться в боевые порядки. Реализация самых современных концепций использования подвижных соединений позволяла окружать крупные группировки советских войск, нанося им катастрофические потери.

С другой стороны, помимо объективно сложившихся обстоятельств, существенную роль в развитии событий играли и субъективные факторы. Исход конкретных боев и сражений нередко зависел от решений командующих всех уровней, которые могли как стать авторами смелых нестандартных ходов, ставивших противника в тупик и обеспечивавших преимущество своим войскам, так и совершать фатальные ошибки и просчеты. Кроме того, некоторые представители командования противоборствующих сторон в совершенстве владели тактикой боя, при этом являясь посредственными стратегами, другие, наоборот, принимали грамотные стратегические решения, слабо разбираясь в тактике.

Именно действия конкретных командиров на местах зачастую влияли на такой немаловажный показатель боевой эффективности, как соотношение потерь. Опустошающие потери, понесенные советскими вооруженными силами в первые месяцы войны, привели к резкому снижению боеспособности многих соединений и объединений. Особенно это касалось войск, попадавших в окружения (так называемые «котлы») — даже в случае частичного выхода из них дивизии и целые армии, как правило, нуждались в полном реформировании. В связи с этим к середине осени 1941 г., когда обозначилась прямая угроза Москве, на ряде направлений противник получил возможность прорываться к столице через относительно разреженные боевые порядки советских частей, в ряде случаев попросту не успевавших занять предписанные им оборонительные позиции. Одним из важнейших ресурсов в данной ситуации становилось время, требовавшееся на переброску к линии фронта резервов из внутренних военных округов. До их прибытия позиции нередко удерживались различного рода сводными отрядами, слушателями военных училищ и остатками частей, недавно вышедших из окружения. Таким образом, недопущение критического падения боеспособности войск, оборонявших Москву, по факту становилось сложной управленческой задачей для командования Красной армии.

---

¹ См.: *Исаев А.В.* Вторжение. 22 июня 1941 года. М.: Яуза-Каталог, 2016. С. 454.

Одним из жизненно важных направлений обороны столицы являлось калининское операционное направление, которое первоначально входило в структуру Западного фронта. Именно в районе Калинина разгорелось более чем двухмесячное сражение, определившее в итоге судьбу правого фланга Московской битвы². Не дав противнику возможности с ходу развить наступление от стен областного центра, советские войска, с 17 октября организационно объединенные в Калининский фронт³, серьезно измотали боями несколько подвижных соединений вермахта, создав предпосылки для последующего перехода в контрнаступление. Подготовка к нему была завершена к 5 декабря 1941 г.⁴

Целью статьи является выявление факторов, определявших соотношение потерь противоборствующих сторон в ходе Калининской наступательной операции. Наиболее важная задача исследования — определение степени и уровня влияния конкретных решений командования соединений и объединений Красной армии и вермахта на масштабы и характер потерь войск. В качестве хронологических рамок выбран период с 5 по 16 декабря 1941 г., когда развивалось советское наступление непосредственно на город Калинин.

Необходимо подчеркнуть, что и войска Калининского фронта, и 9-я полевая армия вермахта, противостоявшие друг другу на калининском направлении, подошли к боям декабря 1941 г. в далеко не самом лучшем состоянии. Так, к 20 ноября общие потери семи пехотных дивизий (6-й, 86-й, 110-й, 129-й, 161-й, 162-й и 251-й),

---

² См.: *Вершинский А.Н.* Бои за город Калинин. Калинин: Пролетарская правда, 1945; *Город-фронт — город воинской и трудовой славы.* Тверь: ООО «Издательство Волга», ООО «Тверская фабрика печати», 2016; *Дорогами испытаний и побед. Боевой путь 31-ой армии.* М.: Воениздат, 1986; *Победа в боях за гор. Калинин.* М.: Воениздат НКО СССР, 1942; *Рубеж великой битвы.* Калинин: Калининское кн. изд., 1961; *Тверской край в борьбе с фашизмом. 1941–1945 гг.* Тверь: ГЕРС, 2009; *Фоменко М.В.* Командование и штаб Калининского фронта осенью 1941 г. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество).* 2018. № 2; *Фоменко М.В.* Сражение за Калинин. Хроника нетипичной обороны. М.: Яуза-Каталог, 2017; *Это было на Калининском фронте.* М.: Моск. рабочий. Калинин. отд-ние, 1985; *Хаунт В.* Сражения группы армий «Центр». М.: Яуза, Эксмо, 2006; *Radey J., Sharp C.* The Defense of Moscow 1941: The Northern Flank. Stackpole Books, 2014.

³ См.: *Русский архив: Великая Отечественная.* Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 248.

⁴ См.: *Бошняк Ю.М., Слэзкин Д.Д., Якиманский Н.А.* Калининское операционное направление в битве под Москвой // *На правом фланге Московской битвы.* Тверь: Моск. рабочий, 1991. С. 48; *Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны.* Выпуск 7. М.: Воениздат, 1952. С. 42.

части которых впоследствии приняли активное участие в попытках отражения советского наступления, составили 25733 чел., из них 972 офицера. Из этих цифр на безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) приходилось 7435 чел. (269 офицеров)⁵.

С другой стороны, в данном случае речь идет о потерях соединений немецкой 9-й армии, начиная с 22 июня 1941 г., т.е. с первого дня войны. Для сравнения: потери Калининского фронта только за октябрь составили 4119 убитых, 11793 раненых и обмороженных, 10274 пропавших без вести, 384 заболевших и 6243 выбывших по другим причинам, всего — 32813 чел.⁶

В конце ноября войска фронта провели ряд ударов по противнику с целью оттянуть немецкие части с московского направления в район Калинина. Согласно фронтовому журналу боевых действий, потери за четыре дня боев, с 27 по 30 ноября, составили 3876 чел. убитыми и ранеными⁷. При этом штаб 9-й полевой армии вермахта отчитался перед командованием группы армий «Центр» о потере 15 офицеров и 354 унтер-офицеров и солдат в боях 28–29 ноября⁸.

Несмотря на понесенные потери, немецкие пехотные дивизии к началу декабря оставались грозной силой, сохранив достаточно высокий уровень технической оснащенности. Например, по данным на середину ноября, 86-я пехотная дивизия (пд) имела 99–100% от штатного количества пулеметов и минометов, 95% 37-мм и 100% 50-мм противотанковых пушек, 100% легких и тяжелых пехотных орудий, 100% легких и тяжелых полевых гаубиц⁹. Схожие показатели имели и другие соединения.

В тактическом плане оборона немецких частей на калининском направлении была выстроена грамотно и являлась достаточно прочной. Впоследствии составители отчета о боевых действиях штаба 31-й армии Калининского фронта следующим образом охарактеризовали оборонительные мероприятия противника:

«Обороняясь на широком фронте, противник создал ряд опорных пунктов с круговым обстрелом. В систему обороны также были включены все населенные пункты, которые были приспособлены для обороны. Опорные пункты взаимно фланкировались и прикрывались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Про-

---

⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12454. Д. 255. Л. 4.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 31. Л. 15.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 35. Л. 18.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12472. Д. 606. Л. 22.

⁹ National Archives and Records Administration (NARA). T 312. R 281. F 7842785.

межutki между опорными пунктами были минированы, местами установлена проволока в 2–3 ряда. Лесные участки имели просеки и завалы, которые прикрывались пулеметным и минометным огнем.

Все вероятные подступы к переднему краю, а также отдельные рубежи и районы в глубине, были пристреляны всеми видами огня. Противотанковая артиллерия прикрывала танкоопасные направления, и была готова для стрельбы по живой силе. Глубина тактической обороны была 3–5 км, и опиралась, главным образом, на населенные пункты, подготовленные к круговой обороне. В этих опорных пунктах, как правило, располагались резервы. Оперативная глубина обороны характерна рядом заранее подготовленных рубежей, удаленных на 7–10 км один от другого. Резервы, небольшими группами (рота, батальон), как правило, с автотранспортом, располагались в районе узлов основных дорог, что обеспечивало подборку их в короткие сроки к угрожаемым направлениям»¹⁰.

Ситуация для атаковавших советских войск осложнялась необходимостью форсирования Волги под огнем противника. Передний край обороны частей вермахта проходил по южному берегу реки, представляя собой цепь окопов и дзотов. Сам берег в ряде мест был круто срезан, а затем полит водой, что существенно осложняло штурмующим частям подъем. В черте города Калинина активно использовались здания и подвалы под ними, превращенные в опорные пункты с круговым обстрелом, а также в блиндажи. Для усиления оборонительных сооружений нередко применялись мешки с песком. Например, в полосе 129-й пехотной дивизии их использовали 5000 штук¹¹.

Кроме того, серьезную опасность для наступавших частей Калининского фронта представляла тактика немецкой пехоты, оборона которой подразумевала проведение контратак при поддержке бронетехники, прежде всего — самоходных штурмовых орудий. Лобовая броня данных машин на нормальных дистанциях боя была практически неуязвима для штатных 45-мм противотанковых пушек советских стрелковых соединений. Использование более тяжелых 76-мм дивизионных орудий для борьбы с бронетехникой было вполне распространенным явлением, однако для этого их требовалось предварительно переправить через реку и перевести в боевые порядки стрелковых подразделений, что удавалось сделать далеко не всегда.

---

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 32. Л. 1.

¹¹ NARA. T 315. R 1374. F. 000570.

Укомплектованность советских стрелковых дивизий личным составом и вооружением была существенно ниже штатной. Это являлось прямым следствием тяжелых осенних боев. Например, общая численность соединений 31-й армии колебалась в пределах 4–7 тыс. чел. на дивизию, включая тылы, в 29-й армии данный показатель составлял 5–6 тыс. чел. При этом большинство дивизий испытывало острую нехватку пулеметов (особенно станковых) и артиллерийских орудий калибром свыше 76 мм¹².

Проблема, вызванная недостаточной мощностью дивизионной тяжелой артиллерии, в значительной степени решалась методом подчинения комдивам артиллерийских частей Резерва Главного Командования (РГК), однако эти части уже в первые дни наступления столкнулись с нехваткой боеприпасов, особенно для современных 152-мм гаубиц¹³.

Наиболее сложная ситуация, связанная с исчерпанием боезапаса, сложилась к 7 декабря в 29-й армии. Ее командующий генерал-лейтенант И.И. Масленников сообщил командующему Калининским фронтом генерал-полковнику И.С. Коневу следующее:

«Снаряды и мины мелкого калибра на исходе, крупного калибра в ограниченном количестве. Минометы 120 и 82 мм не используем, нет мин, а это как раз нужно для организации уличных боев. Уведомления о восполнении снарядов и мин нет, в подброске отказано. Начальник артиллерии фронта указывает, что с 4 по 8 декабря нам разрешено израсходовать три четверти боекомплекта, что явно при наступлении недостаточно. Прошу снарядов и мин...»¹⁴.

Еще одной особенностью Калининской наступательной операции было полное отсутствие танков в течение первых трех дней наступления советских войск. Два танковых батальона, приданных фронту, попросту не успели прибыть в район боевых действий к началу операции. Лишь 8 декабря 143-й отдельный танковый батальон приступил к осуществлению поддержки стрелковых подразделений 262-й стрелковой дивизии¹⁵.

Таким образом, нехватка артиллерийских боеприпасов и отсутствие танков стали факторами, оказавшими негативное влияние на наступательные возможности советских стрелковых соединений. В свою очередь, снижение наступательного потенциала пехоты в противостоянии с опытным и тактически грамотным противником

---

¹² ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 28. Л. 78–79.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 30. Л. 45.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 23. Л. 289.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 31. Л. 14.

неизбежно влекло за собой рост людских потерь. Например, 256-я стрелковая дивизия (сд) 31-й армии уже за первые сутки наступления потеряла, по разным данным, 120–130 чел. убитыми и 264 ранеными, 246-я сд 29-й армии — до 100 убитых и свыше 200 раненых¹⁶.

Благодаря наличию открытого доступа к трофейным немецким документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, современные исследователи имеют возможность сравнить эти цифры с потерями некоторых пехотных дивизий вермахта. Согласно отчету о служебной деятельности начальника медико-санитарной службы 161-й пд, в период 1–10 декабря (так называемая «десятидневка» — общепринятый период для подсчета потерь в вермахте) потери дивизии составили 39 убитых, 251 раненого, 8 пропавших без вести и 292 заболевших¹⁷.

Учитывая, что именно 161-я пд приняла на себя удар соединений советской 29-й армии (в том числе 246-й сд), при этом ее действия не поддерживались бронетехникой и авиацией, можно предположить, что эффективность управления советскими частями на данном участке фронта оказалось явно ниже таковой у противника. Данный тезис находит свое подтверждение в записи переговоров между И.С. Коневым и И.И. Масленниковым, состоявшихся в ночь с 10 на 11 декабря.

В ходе переговоров командарм сообщил, что общие потери его армии с 5 по 10 декабря составили свыше 2000 чел., а все брошенные в бой резервы были «уничтожены огнем противника. Наступления мы все время не прекращали, и будем продолжать наступать, весь вопрос сейчас упирается в снаряды. Завтрашним наступлением расстреляю последние снаряды в надежде, что снаряды будут подброшены». После ответной реплики Конева («Какое же это наступление, когда Вы сами в него не верите, и все Ваши доводы направлены к тому, чтобы не наступать?») Масленников заявил: «Если бы мы противника боялись и не верили в наступление, то мы не дрались бы то такого состояния, когда в полку остается всего 80 штыков, и из всего командного состава полка только один младший лейтенант». В ответ на это командующий фронтом заметил: «Потери — это еще не доказательство хорошей драки. Вы попробуйте сделать так: потери меньше, а успехов больше»¹⁸.

Следует подчеркнуть, что сам И.С. Конев в период Калининской наступательной операции также не избежал ряда серьезных ошибок,

---

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 32. Л. 232.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12477. Д. 649. Л. 34.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 23. Л. 286–300.

прежде всего в оценке (точнее, недооценке) противника. Например, 6 декабря в ходе переговоров с командующим 31-й армией генерал-майором В.А. Юшкевичем командующий фронтом заявил:

«Еще раз предупреждаю, что наши штабы дивизий и отдельные командиры, начальники все еще переоценивают силы врага... Ни в какой мере не допускайте нарушения наступательного темпа и духа. Ломайте всех, кто еще живет старой оценкой врага. Сил у вас много, и вы способны разгромить не только растрепанную и вшивую 162-ю пд, но еще три-четыре дивизии врага. Действуйте решительно и смело»¹⁹.

Недооценивалась командующим Калининским фронтом и немецкая тактика опорных пунктов, которую он 13 декабря в разговоре с командармом охарактеризовал следующим образом:

«Вьюга и мороз для наших бойцов под руководством храбрых начальников — самое благоприятное время для разгрома немецких оккупантов. Фашистские оборванцы сидят сейчас по деревьям. При хорошо организованной разведке специальными отрядами сегодня ночью можно окружить и уничтожить ряд населенных пунктов...»²⁰.

Столь явное пренебрежение к противнику в ряде случаев приводило к локальным катастрофам. Наиболее ярким примером в данном контексте является контрудар, нанесенный 6 декабря силами XXVII армейского корпуса вермахта по наступавшей советской 250-й стрелковой дивизии. Контратака немецкой пехоты при поддержке штурмовых орудий 189-го дивизиона²¹ стала полной неожиданностью для подразделений 250-й сд, которые начали отход, быстро переросший в беспорядочное бегство.

Как выяснилось к 8 декабря, потери дивизии по итогам этого боя оказались весьма внушительными. Наиболее серьезно пострадал 916-й стрелковый полк (сп), лишившийся 348 чел. убитыми, 190 ранеными и 9 пропавшими без вести. 922-й сп потерял 218 чел. убитыми, 283 ранеными и 32 пропавшими без вести. Общие потери 918-го стрелкового полка составили 413 чел. В итоге, 250-я сд не досчиталась почти 1500 чел. Помимо них, соединение лишилось семи станковых и шестнадцати ручных пулеметов, а также двух минометов²².

Столь тяжелый удар по боеспособности дивизии вызвал жесткое разбирательство, по итогам которого командир и военный

---

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 25. Л. 184–187.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 25. Л. 419–423.

²¹ NARA. T 314. R 773. F. 000181.

²² ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 28. Л. 25.

комиссар 918-го сп, а также военный комиссар 916-го сп были приговорены к расстрелу, командир 916-го сп — к 10 годам лишения свободы с направлением на фронт, командиру и военкому дивизии был объявлен строгий выговор с предупреждением²³.

С другой стороны, было бы серьезной ошибкой предположить, что советское наступление не сказалось на боеспособности соединений 9-й полевой армии вермахта. Например, в немецкой работе по истории 129-й пехотной дивизии следующим образом характеризовалось положение, сложившееся к 8 декабря в полосе соседней 162-й пд, на которую пришелся основной удар частей 31-й армии Калининского фронта:

«Из района прорыва в тыл прибывали солдаты на незапряженных лошадях и без сапог. Передки артиллерийских орудий с ранеными подходили к южной окраине города и артиллеристы рассказывали, что танки противника стоят уже на огневых позициях. У многих раненых кроме ранений имелись тяжелые обморожения. При соприкосновениях рук без перчаток с холодным железом у раненых слезала кожа, прилипшая к металлической поверхности»²⁴.

Быстрая утрата боеспособности ряда частей 162-й пехотной дивизии, позиции которой располагались в полосе главного удара советской наступательной операции, во многом явилась следствием ошибочной оценки действий командования Калининским фронтом со стороны немецкой разведки. Судя по документам оперативного отдела группы армий «Центр», противник попросту не ожидал от советских войск полномасштабного наступления с далеко идущими целями, предвидя лишь повторение серии локальных ударов, состоявшихся в конце ноября²⁵.

Несмотря на первоначальные успехи предпринятых контратак, положение дивизий XXVII армейского корпуса вермахта быстро становилось угрожающим. В одном из документов штаба 9-й армии, датированном 7 декабря, отмечалось, что «тяжелое оружие отказывает из-за морозов, штурмовые орудия больше не в состоянии вести огонь, единственным действенным видом оружия остаются ручные гранаты»²⁶.

В целом, ошибки совершали обе противоборствовавшие стороны, однако в ряде случаев немцам удавалось компенсировать

---

²³ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 8. Л. 253.

²⁴ Bousein H. Halten oder Sterben. Die hessische 129. ID in Russland und Ostpreussen 1941–1945. Potsdam, 1999. S. 108.

²⁵ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12472. Д. 606. Л. 20–21.

²⁶ NARA. T 314. R 773. F. 000195.

последствия своих ошибок более высокой мобильностью воинских частей и применением современных средств вооруженной борьбы.

Например, 11 декабря советский 421-й стрелковый полк 119-й сд получил от комдива приказ занять деревню Синцово, наличия в которой серьезного противника не ожидалось, а затем продолжить наступление²⁷. Не проведя утром полноценной разведки местности, командиры подразделений попросту не знали о том, что накануне в деревню были переброшены 20-мм автоматические зенитные пушки 5-й роты 48-го моторизованного зенитного дивизиона вермахта при поддержке саперного взвода (32 человека с двумя пулеметами). Как только советская пехота начала наступление, она была встречена шквальным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. В ходе боя немецкая зенитная рота потеряла 6 человек убитыми и 8 ранеными, сообщив об уничтожении более 100 советских пехотинцев. Позднее переброшенная в деревню рота 11-я рота 451-го пехотного полка вермахта перешла в контратаку, взяв в плен двух командиров и 55 бойцов, при этом немцами был расстрелян тяжелораненый политработник. В течение дня число советских пленных увеличилось еще на 11 чел.²⁸ В итоге, наступление 421-го стрелкового полка (сп) привело к серьезным потерям, так и не достигнув результата.

Подобные примеры наглядно показывают проблемы Красной армии начального периода войны. Помимо слабой разведки, к ним относилось, например, отсутствие полноценного взаимодействия родов войск. Так, выделенные для поддержки 421-го сп танки 143-го отдельного танкового батальона (8 машин) в течение всего дня оставались на исходных позициях и не принимали участия в атаке на Синцово. Еще два легких танка использовались в качестве средств разведки и связи, однако без поддержки пехоты они были быстро подбиты немецкой противотанковой артиллерией²⁹.

С другой стороны, несмотря на проблемы и потери, советская наступательная операция продолжалась. Ответом на него с немецкой стороны стала переброска резервов с участков фронта, не подвергшихся атакам, и ввод их в бой на угрожаемых направлениях. Именно эти шаги противника были в очередной раз недооценены командующим Калининским фронтом, который 10 декабря в ходе переговоров с командармом генерал-майором В.А. Юшкевичем назвал возможные свежие части вермахта на направлении главного

---

²⁷ *Фоменко М.В.* Освобождение Калинина. М.: Яуза-Каталог, 2019. С. 187.

²⁸ NARA. T 315. R 1731. F. 000415.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 32. Л. 2.

удара 31-й армии «резервишками», посчитав, что «противнику закрыть прорыв не удастся ввиду отсутствия резервов»³⁰.

В связи с таким отношением к противнику советскими штабами было фактически упущено появление в полосе наступления 31-й армии Калининского фронта нового опасного врага — подразделений 251-й пехотной дивизии. Последствия этой ошибки не заставили себя долго ждать: 13 декабря немцы нанесли контрудар, перерезав коммуникации сразу двух советских стрелковых дивизий, заняв несколько освобожденных ранее населенных пунктов и атаковав штаб 247-й сд, командир которой комбриг А.Н. Рыжков был ранен, а представитель штаба армии майор К.С. Шах погиб³¹.

При этом командование Калининского фронта не располагало сведениями о численности войск противника, осуществлявших контрудар, так как из нижестоящих штабов сообщалось о «группах автоматчиков», а затем о «двух ротах автоматчиков с минометами, двумя танками и несколькими противотанковыми орудиями». И.С. Конев в ходе очередного сеанса связи задал В.А. Юшкевичу следующий вопрос: «Доложите, что у Вас за паника. Чем объяснить, что две роты немцев дезорганизовали боевой порядок трех дивизий? Командиры дивизий бегают в паническом страхе, не выполняют боевых приказов. Знаете ли Вы фактическое положение войск на данное время?».

Получив ответ о положении в частях армии, командующий фронтом заявил командарму: «Ваша армия не только не выполнила задачу дня, но утратила ряд выгодных пунктов. Предупреждаю Вас, товарищ Юшкевич, что если Вы не наведете порядка, и не будете со всей настойчивостью смело выполнять боевые приказы, и не будете твердо держать своих командиров дивизий в руках, то будете сами отстранены от занимаемой должности»³².

Тональность документа позволяет оценить эмоциональный фон, на котором принимались важнейшие решения, определявшие ход и результаты Калининской наступательной операции. В данном контексте следует отметить важность субъективных факторов и личностных качеств, влиявших на эффективность оперативного руководства.

По другую сторону линии фронта межличностные коммуникации представителей командования вермахта также играли

---

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 25. Л. 350–351.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 8. Л. 256.

³² ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 25. Л. 412–419.

существенную роль. Так, по словам западногерманского историка К. Рейнгарда, «высказанное 10 декабря генерал-полковником Адольфом Штраусом мнение о том, что линия фронта юго-восточнее Калинина, где бои уже «перешагнули кульминационный пункт», может быть удержана, уже на следующий день оказалось несостоятельным»³³. В данном случае речь идет об ошибке командующего 9-й полевой армией вермахта, который недооценил наступательные способности советских войск. Оценка ситуации регулярно менялась и в генеральном штабе германских сухопутных сил (ОКХ)³⁴.

13 декабря в Смоленске состоялась встреча главнокомандующего сухопутными силами генерал-фельдмаршала В. фон Браухича и командующего войсками группы армий «Центр» (в ее состав входила 9-я полевая армия) генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока. К. Рейнгард так описал ход переговоров:

«Бок сообщил ему, что его войска находятся на пределе возможностей и он не может больше делать какие-либо предложения в отношении дальнейшего руководства операциями, так как вопрос, который надлежит сейчас решить, выходит за рамки военной сферы. Касаясь вопроса о том, должна ли группа армий пробиваться дальше вперед или же ей следует отходить, он заметил, что в первом случае ей грозит разгром, а во втором ей не обойтись без значительных потерь, особенно в технике. Сам Бок настаивал на том, чтобы отвести войска, и рекомендовал немедленно отдать соответствующий приказ, чтобы соединения могли лучше подготовиться. Одновременно Бок попросил, чтобы Браухич подумал о его замене, так как он, Бок, физически очень сдал»³⁵.

На следующий день Браухич посоветовался с командующими армий и пришел к выводу о необходимости отхода на тыловой рубеж, однако принять такое решение самостоятельно он не осмелился. Узнавать мнение А. Гитлера и содействовать командованию сухопутных сил по данному вопросу пришлось адъютанту сухопутных войск при фюрере и верховном главнокомандующем вооруженных сил полковнику Р. Шмундту, которого сам Гитлер также ранее направил в Смоленск. Только после этого глава нацистского государства разрешил «выровнять слишком выступившие вперед углы в

---

³³ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980. С. 248.

³⁴ См: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971. Т. 3.

³⁵ Рейнгардт К. Указ. соч. С. 260.

районе Клина и Калинина... а также отвести группу Гудериана, а в остальном ничего не сдавать, пока на тыловых рубежах не будет подготовлено самое необходимое»³⁶.

Следует подчеркнуть, что Шмундт перед обращением с просьбой об отходе немецких войск получил данные об их состоянии, в том числе о потерях соединений 9-й полевой армии. Согласно докладу, в 86-й пд численность отдельных батальонов к тому моменту сократилась до 100 чел. Например, 1-й батальон 184-го пп насчитывал 5 офицеров, 21 унтер-офицера и 81 солдата. Потери дивизии с 19 ноября по 15 декабря составили: убитыми — 15 офицеров, 58 унтер-офицеров и 196 солдат, ранеными — 36 офицеров, 155 унтер-офицеров и 717 солдат, пропавшими без вести — 1 офицера, 3 унтер-офицера и 34 солдат. Достаточно высоким было количество заболевших (судя по всему, в эту графу были включены обморожения): 14 офицеров, 100 унтер-офицеров и 625 солдат. По иным причинам выбыли 1 офицер, 1 унтер-офицер и 6 солдат³⁷.

Ситуация в 162-й пехотной дивизии вермахта была представлена как откровенно угрожающая — адъютанту фюрера доложили, что основная часть дивизии «взята в плен, ранена или уничтожена». Остатки ее 303-го пехотного полка к 16 декабря насчитывали около 200 чел. 110-я дивизия³⁸ оценивалась как «сильно побитая, но еще боеспособная». В 251-й пд³⁹ отмечалось значительное количество обмороженных, из-за чего один из ее полков «просел» до 1/3 штатной численности⁴⁰.

К сожалению, потери советских дивизий, участвовавших в Калининской наступательной операции, также были достаточно высоки. Например, 262-я сд в период с 7 по 15 декабря потеряла 525 чел. убитыми (из них 42 командира), 3134 ранеными (143 командира), 180 пропавшими без вести и 19 заболевшими⁴¹. В 119-й сд за 5–10 декабря 421-й сп потерял 105 чел. убитыми и 345 ранеными, 5 чел. попали в плен. Потери 634-го сп за тот же период составили 77 убитых, 317 раненых и 51 пропавших без вести, 920-й сп потерял 111 чел. убитыми и 190 ранеными⁴².

---

³⁶ Там же. С. 260.

³⁷ NARA. T 314. R 773. F. 000301.

³⁸ См.: *Beyersdorff E.* Geschichte der 110. Infanterie-Division. Podzun Verlag, 1965.

³⁹ См.: *Maurer K.-W.* Die hessisch-thüringische 251. Infanterie-Division: wird im Zweiten Weltkrieg vom Jäger zum Gejagten. Books on Demand, 2008.

⁴⁰ NARA. T 312. R 281. F. 7842704.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 61. Л. 30.

⁴² ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 51. Л. 84.

Причины столь серьезных потерь были проанализированы в советских штабах. Так, в отчете об операции штаба 31-й армии среди недостатков, обусловивших отсутствие «должного эффекта по разгрому и уничтожению отходящего врага» отмечалось, например, «преждевременное развертывание частей и подразделений в боевые порядки, что приводило к преждевременному изматыванию сил соединений».

Особо выделялись проблемы в использовании артиллерии. По отношению к ней говорилось о «запаздывании с развертыванием», «длительной подготовке к открытию огня и далеко не точной подготовке данных для стрельбы». Также составители отчета не обошли вниманием взаимодействие пехоты и артиллерии в наступлении, слабость которого приводила к «несвоевременности поддержки пехоты со стороны артиллерии». Недостатком в действиях самой пехоты было названо «отсутствие должной маневренности», склонность к «лобовым атакам», что, в свою очередь, обусловило «большие потери и ненужные жертвы в личном составе».

К проблемам связи и взаимодействия штабов относилось указанное в документе «отсутствие достаточной увязки действий с соседями». В ряде соединений, которым придавались танковые части, отмечалось «маринование танков»⁴³.

Большинство недостатков, указанных в отчете, касалось вопросов управления подразделениями, частями и соединениями непосредственно на поле боя, т.е. тактических аспектов. Анализ других документов и материалов показывает, что многие недостатки тактики были напрямую связаны с проблемами, существовавшими на более высоком, оперативном уровне управления войсками.

Следует отметить, что советскому командованию приходилось приобретать ценный боевой опыт и знания о противнике в тяжелых условиях непрерывных боевых действий. Успех в сражении за Калинин и освобождение областного центра, оставленного к 16 декабря немецкими войсками, был лишь одним из первых шагов к будущей Победе.

Литература

Вершинский А.Н. Бои за город Калинин. Калинин: Пролетарская правда, 1945.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971. Т. 3.

---

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 156. Л. 69–70.

- Город-фронт — город воинской и трудовой славы. Тверь: ООО «Издательство Волга», ООО «Тверская фабрика печати», 2016.
- Дорогами испытаний и побед. Боевой путь 31-ой армии. М.: Воениздат, 1986.
- Исаев А.В.* Вторжение. 22 июня 1941 года. М.: Яуза-Каталог, 2016.
- На правом фланге Московской битвы. Тверь: Моск. рабочий, 1991.
- Победа в боях за гор. Калинин. М.: Воениздат НКО СССР, 1942.
- Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980.
- Рубеж великой битвы. Калинин: Калининское кн. изд., 1961.
- Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996.
- Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 7. М.: Воениздат, 1952.
- Тверской край в борьбе с фашизмом. 1941–1945 гг. Тверь: ГЕРС, 2009.
- Фоменко М.В.* Командование и штаб Калининского фронта осенью 1941 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2018. № 2.
- Фоменко М.В.* Освобождение Калинина. М.: Яуза-Каталог, 2019.
- Фоменко М.В.* Сражение за Калинин. Хроника нетипичной обороны. М.: Яуза-Каталог, 2017.
- Хаунт В.* Сражения группы армий «Центр». М.: Яуза, Эксмо, 2006.
- Это было на Калининском фронте. М.: Моск. рабочий. Калинин. отд-ние, 1985.
- Beyersdorff E.* Geschichte der 110. Infanterie-Division. Podzun Verlag, 1965.
- Boucsein H.* Halten oder Sterben. Die hessische 129. ID in Russland und Ostpreussen 1941–1945. Potsdam, 1999.
- Maurer K.-W.* Die hessisch-thüringische 251. Infanterie-Division: wird im Zweiten Weltkrieg vom Jäger zum Gejagten. Books on Demand, 2008.
- Radey J., Sharp C.* The Defense of Moscow 1941: The Northern Flank. Stackpole Books, 2014.